

позже во Владимир. В общем, в ссылке он пробыл около пяти лет.

Когда ему в 1840 году разрешено было вернуться в Москву, он нашел литературные кружки под влиянием немецкой философии и погруженными в метафизические абстракции. «Абсолют» Гегеля, его триада человеческого прогресса и его утверждение, что «все существующее разумно», были предметом горячих обсуждений. Утверждение Гегеля о разумности всего существующего привело русских гегельянцев, во главе которых стояли Н.В.Станкевич (1813—1840) и Михаил Бакунин (1814—1879), к заключению, что даже деспотизм «разумен». Белинский, придя тогда к признанию «исторической необходимости» даже абсолютизма тех времен, выразил это со свойственной ему горячностью в знаменитой статье о «Бородинской годовщине» Пушкина. Герцен, конечно, тоже должен был взяться за Гегеля; но это изучение не изменило его прежних воззрений; он остался поклонником принципов Великой революции. Позднее, т. е. когда Бакунин попал за границу, в 1842 году, и, порвавши с туманами немецкой философии, покинул Берлин и стал знакомить своих московских и петербургских друзей с учениями социалистов, развиваемыми тогда во Франции, направление этих кружков круто изменилось, и Белинский стал вместе с другими изучать социалистов, и особенно полюбил Пьера Леру (Leroux). Они образовали тогда левое крыло западников, к которому примкнули Тургенев, Кавелин и многие другие, и совершенно отделились от славянофилов. В конце 1840 года Герцен снова отправлен был в ссылку — на этот раз в Новгород, куда он прибыл в июне 1841 года, и, лишь благодаря усиленным хлопотам друзей, через год ему было снова разрешено переехать на жительство в Москву. Поселясь в Москве, Герцен употребил все усилия, чтобы добиться разрешения уехать за границу, что ему наконец и удалось. Он уехал из России в 1847 году и никогда в нее больше не возвратился. За границей Герцен встретил нескольких своих друзей, и после путешествия по Италии, которая в это время делала героические усилия, чтобы сбросить с себя австрийское иго, он соединился с своими друзьями в Париже — накануне революции 1848 года.

Тут Герцен пережил и перечувствовал как юношеский энтузиазм движения, охватившего всю Западную Европу весной 1848 года, так и последовавшие затем разочарования и ужасные июльские дни в Париже, сопровождавшиеся массовыми убийствами пролетариев. Квартал Парижа, в котором тогда жили Тургенев и Герцен, был окружен цепью полицейских агентов, которые знали обоих писателей в лицо, и последние могли лишь предаваться бессильной ярости и ужасу, слыша ружейные залпы, возвещавшие, что буржуазия расстреливает группами попавшихся в ее руки рабочих. Оба писателя оставили чрезвычайно яркие описания этих дней, причем описание июльских дней в глубоко прочувствованных страницах Герцена («С того берега») принадлежит к лучшим произведениям русской литературы.

Глубокое отчаяние овладело Герценом, когда все его надежды, возбужденные революцией, так быстро рассеялись, и над всей Европой нависла туча страшной реакции, причем Италия и Венгрия опять подпали под иго Австрии, во Франции развивался бонапартизм, закончившийся Наполеоном III, а социалистическое движение везде было задушено реакцией. Герцен потерял веру в будущность европейской цивилизации, и эта безнадежность отразилась в его замечательной книге «С того берега». Это крик отчаяния, вопль политического пророка, облеченный в форму, обличающую в авторе великого поэта.

Позднее Герцен основал в Париже, совместно с Прудоном, газету «La Voix du Peuple», почти каждый номер которой был конфискуем наполеоновской полицией. Газета не могла существовать, и сам Герцен был вскоре изгнан из Франции. Он натурализировался в Швейцарии, и наконец, после трагической смерти матери и младшего сына, погибших во время кораблекрушения, он поселился в Лондоне осенью 1852 года. Здесь появились первые произведения свободного русского станка, и вскоре Герцен приобрел громадное влияние в России. Он сперва начал выпускать журнал или, вернее, сборник, названный им «Полярная звезда», в воспоминание о литературном альманахе, издававшемся под этим именем Рылеевым, и в этом сборнике, который сразу произвел в России глубокое впечатление, Герцен, помимо статей политического характера и чрезвычайно важных материалов из недавнего прошлого России, напечатал также свои замечательные мемуары «Былое и думы».

Не говоря уже об исторической ценности этих мемуаров (Герцен лично знал многих исторических личностей той эпохи), они, несомненно, являются одним из лучших образчиков описательного искусства. Описания людей и событий, начиная Россией в сороковых годах и кончая годами изгнания, обнаруживают на каждой странице необыкновенное, глубоко философское понимание, чрезвычайно саркастический ум в соединении с добродушным юмором, глубокую ненависть к угнетателям и не менее глубокую, чисто личную любовь к чистым сердцем героям человеческого освобождения вроде